

В.П. Зинченко — на перекрестке путей в будущее психологии

А.И. Назаров*,
университет «Дубна», Дубна, Россия,
annaz1939@gmail.com

Обозначены основные даты жизни и темы творчества В.П. Зинченко. Более подробно рассмотрены основные направления его исследований восприятия и двигательных действий, а также некоторые его оригинальные методологические взгляды, касающиеся истории и будущей судьбы ряда краеугольных понятий культурно-исторической психологии — действия, деятельности, интериоризации, формирования высших психических функций. Изложена суть его представлений о внешней и внутренней формах действия, о дифференциации действия как альтернативы принципу интериоризации. Подчеркивается актуальность и перспективность рассмотренных тем в контексте дальнейшего развития психологического знания.

Ключевые слова: культурно-историческая психология, восприятие, двигательные действия, внутренняя и внешняя форма, интериоризация, дифференциация действия.

Владимир Петрович Зинченко родился 10 августа 1931 г. в г. Харькове (Украина). Отец, Петр Иванович Зинченко, — известный психолог, стоявший у истоков «харьковской школы» советских психологов. Мать, Вера Давыдовна Войтинская, преподавала психологию в харьковской консерватории. Напомню основные хронологические даты жизни Владимира Петровича.

1948. Окончил 131-ю среднюю школу г. Харькова.

1948—1953. Получил высшее образование, закончив психологическое отделение философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. Последние два года совмещает учебу с работой учителя психологии и логики (в те годы был такой школьный предмет) в 593-й и 598-й средних школах г. Москвы.

1953—1956. Обучение в аспирантуре НИИ психологии АПН РСФСР.

1957. Защитил кандидатскую диссертацию «Некоторые особенности движений руки и глаза и их роль в формировании двигательных навыков» (научный руководитель — профессор А.В. Запорожец).

1957—1961. Работал в лаборатории детской психологии (НИИ психологии АПН РСФСР) в должности младшего, а затем старшего научного сотрудника.

1961—1969. Руководил первой в стране лабораторией инженерной психологии при отделе математики предприятия п/я 701 (НИИ автоматической аппаратуры).

1966. Защитил докторскую диссертацию на тему «Восприятие как действие».

1969. Удостоен звания профессора МГУ.

1969—1984. Руководил отделом эргономики ВНИИ технической эстетики.

1970—1982. Заведующий организованной им кафедры психологии труда и инженерной психологии на факультете психологии МГУ имени М.В. Ломоносова.

1974. Избран членом-корреспондентом АПН РСФСР.

1984—2007. Заведующий кафедрой инженерной психологии в МИРЭА (теперь Московский государственный институт радиотехники, электроники и автоматики (технический университет)).

1988. Избран почетным членом Американской академии искусств и наук.

1988—1991. Заместитель директора Института философии РАН, руководитель центра наук о человеке, руководитель-организатор Института человека РАН.

1991—1998. Действительный член АПН, член президиума РАО, академик-секретарь отделения психологии и возрастной физиологии.

1998—2007. Заведующий созданной им кафедры общей психологии в Государственном университете «Дубна»

2001—2007. Академик-секретарь отделения образования и культуры РАО.

Для цитаты:

Назаров А.И. В.П. Зинченко — на перекрестке путей в будущее психологии // Культурно-историческая психология. 2016. Т. 12. № 4. С. 80–89. doi:10.17759/chp.2016120408

* Назаров Анатолий Иосифович, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии университета «Дубна», Дубна, Россия. E-mail: annaz1939@gmail.com

2007–2014. Ординарный профессор факультета психологии Высшей школы экономики (ВШЭ).

2012. Удостоен почетной грамоты Президента Российской Федерации.

2014, 6 февраля. Последний день в жизни В.П. Зинченко.

* * *

О В.П. Зинченко написано немало [17], особенно после его ухода [15]. Не буду повторяться. Остановлюсь на некоторых фрагментах его творчества, главными темами которого были (почти в хронологическом порядке от начала их разработки).

- Восприятие: теория и эксперимент.
- Формирование зрительного образа.
- Инженерная психология.
- Метод микроструктурного анализа.
- Психологическая структура и динамика действия.
- Операциональный состав кратковременной памяти.
- Визуальное мышление и визуальная культура.
- Макро- и микроструктура сенсомоторного действия.
- Живое знание.
- Аффект и интеллект.
- Геном духовного развития человека.
- Методология и философская психология.
- Сознание, интуиция и творчество.
- Психология и искусство.
- Психологические портреты отечественных психологов.

Это — лишь заголовки тем, большая часть которых традиционна. Нетрадиционными являются характер анализа и раскрытие содержания этих тем в работах В.П.

* * *

Отечественная психология 50-х гг. XX столетия развивалась по пути, который был результатом действия на нее трех «силовых» векторов: 1) философии диалектического материализма, 2) учения И.П. Павлова о высшей нервной деятельности, 3) учения Л.С. Выготского о формировании высших психических функций. Иногда взаимодействие этих трех разнородных составляющих приводило к появлению низкопробных эклектических продуктов, которые пополняли арсенал вульгарного материализма. Но в умах наших видных психологов это взаимодействие скорее протекало, как в плавильном тигле¹, в виде

творческого синтеза, благодаря которому психология в целом поднималась на более высокую ступень своего развития. Одним из конкретных примеров такого синтеза было понятие ориентировочно-исследовательской деятельности, прототипом которого послужило павловское понятие ориентировочного рефлекса². В работах А.Н. Леонтьева, Д.Б. Элькониной, П.И. Зинченко, А.В. Запорожца была показана специфика ориентировочной деятельности человека и ее роль в формировании различных психических процессов на разных возрастных этапах. Оригинальную концепцию типов ориентировки в формировании умственных действий создал П.Я. Гальперин.

Не удивительно поэтому, что первое научное исследование В.П. Зинченко было посвящено выяснению особенностей ориентировочных движений руки и глаз в формировании двигательных навыков [8]. Будучи еще молодым ученым, В.П. проявил себя здесь как неординарный экспериментатор, применив для регистрации траектории движений руки методику циклографии, а для регистрации движений глаз — методику киносъемки³, которая ранее нашими психологами не применялась. В этой работе была обнаружена *модальная специфичность* ориентировочных движений руки и глаз при поиске пути выхода из лабиринта: движения руки были жестко привязаны к траектории ходов лабиринта, тогда как движения глаз были более свободными, охватывая большую площадь лабиринта. Это значит, что сенсомоторные единицы, из которых в ходе формирования навыка складывался целостный образ решения задачи, были разными не только по своему афферентно-эфферентному составу, но и по тому, какая по объему часть будущего правильного действия найдет в них свое отражение. Из более крупных единиц (зрительный поиск) быстрее синтезировать целое, чем из мелких (ручной поиск). Поэтому время зрительного поиска выхода из лабиринта оказалось существенно меньше времени ручного поиска. Кстати, такое укрупнение единиц (за счет отторгивания неэффективных, ошибочных операций и своего рода «агломинации» успешных) возможно и в пределах только ручного поиска, что подтверждается наблюдавшимися изменениями в характере их пространственно-временной динамики и сокращением времени решения задачи в конце тренировки. Сейчас, на основании непрерывно пополняющегося объема эмпирического материала, можно сказать, что сокращение ориентировочного состава и укрупнение смысловых единиц в ходе формирования навыков — сенсомоторных, перцептивных, умственных, мнемических — является всеобщим психологическим законом.

Уже в самом начале творческого пути В.П. Зинченко проявилась характерная для него установка на

¹ Метафора плавильного тигля упоминается в более поздней работе В.П., посвященной психологии творчества.

² Этимологическая связь между этими двумя разными, по существу, понятиями позволяла поддерживать у партийных чиновников иллюзию полной преемственности между понятийным аппаратом психологии и физиологии, как это диктовалось нормами вульгарного материализма.

³ Впервые кинопереписку движений глаз осуществили К. Judd, McAllister, W. Steele в 1905 г.

синтетический (а впоследствии и глобальный) подход к исследованию психических явлений, что, впрочем, не исключало его интереса к их анализу (а затем и микроанализу). Восходящая к И.М. Сеченову идея общности функциональных свойств осязательного и зрительного восприятия была развита в ряде работ В.П. В одной из них, пожалуй, впервые четко обозначены функции, которые являются общими для осязательной и зрительной модальностей восприятия — это функции *построения* (образа предмета), *измерения* (пространственных свойств предмета), *контроля и коррекции* (результатов поисковых операций). Каждая из них имеет свою модальную специфику в составе и свойствах реализующих их моторных операций. Характерно, что пространственные характеристики последних (траектории осязательных движений или зрительных саккад) не всегда соответствуют критериям «правильности»:

«...отклонения в рисунке движений руки от контура воспринимаемого объекта... не случайны. Они вытекают из самого существа функции построения, которая неизбежно требует “вспомогательных линий”, перерывов в последовательном обведении контура, изменения направлений движения, скачкообразных переходов от одних элементов контура к другим. Определяемые логикой построения, эти отклонения обеспечивают адекватность образа» [8].

Объясняя специфику этих отклонений в разных модальностях (в зрительном восприятии они гораздо больше), авторы высказывают интересную мысль о роли «площади взаимодействия» (контактного и дистантного) рецепторной поверхности и объекта: чем больше эта площадь, тем крупнее «части», из которых синтезируется «целое», и тем свободнее поведение воспринимающего органа по отношению к целевому предмету. Отсюда понятна специфика движений глаз и их привязка к контуру объекта в условиях «трубчатого зрения», аналогичных тем, которые имеют место при наблюдении сцен через оптические приборы, суживающие поле зрения.

Оригинальная концепция восприятия, предложенная В.П. Зинченко в 1964 г. [13] формировалась не только на базе его экспериментальных исследований в русле академической тематики. Большую роль здесь сыграло событие, когда в 1961 г. на московском предприятии оборонного значения (п/я 701, позднее реорганизованный в НИИАА) была создана первая в СССР лаборатория инженерной психологии, которую возглавил В.П. Конечно, для многих из нас между проблемами генезиса восприятия и инженерной психологией — дистанция огромного размера, если не глубочайшая пропасть. Но чудо заключалось в том, что в нашей стране за решение инженерно-психологических, а затем и эргономических задач взялись профессиональные гуманитарии-психологи. Для В.П. взрослый человек-оператор автоматизированной системы управления мало чем отличался от ребенка: тот и другой многому должны научиться в новой для себя окружающей среде. Нужно было прежде всего выяснить, в чем состоит психологическая,

а не только материальная новизна этой среды и в чем состоит содержание тех переходных процессов, которые протекают на разных стадиях развития восприятия, начиная от его натуральных форм и кончая приобретением им свойств высшей психической функции. Это и было сделано в упомянутой работе «Теоретические проблемы...». Помимо затронутых здесь чисто профессиональных проблем, В.П. высказывает ряд критических соображений по поводу распространенных в то время моделей восприятия, разрабатываемых в рамках теоретико-информационного подхода к анализу или даже решению ряда психологических проблем.

Если в отдельных работах 1956—1966 гг. отражен начальный период творчества В.П., то в книге «Восприятие и действие» (1967 г.) подведен его итог, обобщающий опыт проведенных за это время теоретических и экспериментальных исследований в рамках генетического метода.

Начиная приблизительно с 1965 г., возникает другой вектор творчества В.П. Зинченко, ставший возможным благодаря его встрече с талантливым инженером-изобретателем Н.Ю. Вергилесом. Развитие психологии, особенно экспериментальной, всегда было связано с применением в ней достижений техники, позволявших воплощать творческие замыслы ученого в реальные события, пусть даже ограниченные лабораторным пространством. Вергилес ввел в контактный метод регистрации движений глаз два новшества: 1) используя люминисцентную пластину, закрепленную на глазной присоске, можно было предъявлять испытуемому разнообразные стимулы, варьируя их временные параметры; как говорил В.П., это был своего рода электронный тахистоскоп на глазу; 2) применяя цветовую модуляцию изображения, экспонируемого на плоскости электролюминисцентной пластины, можно было длительное время (ограниченное только допустимым периодом контакта присоски с глазом) наблюдать его в условиях стабилизации проекции этого изображения на сетчатке глаза; это было поистине открытие, которое, насколько мне известно, не было официально зарегистрировано прежде всего по бюрократическим причинам и, возможно, из-за легкомысленного отношения таланта к так называемому авторскому праву. Эти два новшества позволяли В.П. в более строгом формате проверить применимость разделяемой им праксеологической теории зрительного восприятия не только в плане генезиса последнего, но и в плане функционирования его в развитом виде. Результаты совместной работы Зинченко и Вергилеса отражены в книге «Формирование зрительного образа» [14] Выделю наиболее важные ее положения.

1. В условиях стабилизации многие зрительные задачи не могут быть решены без участия движений глаз, несмотря на то, что в этих условиях движения глаз не способны выполнять свои обычные функции — наведение взгляда на тот или иной участок поля зрения и удерживание устойчивой зрительной фиксации на нем.

2. Необходимость движений глаз в условиях стабилизации свидетельствует о существовании их неспецифической функции, предназначенной для модуляции чувствительности каналов зрительной системы:

«...функцию движений глаз, осуществляемых в условиях стабилизации при решении сложных зрительных задач, можно рассматривать как механизм последовательного и направленного включения различных рецептивных полей сетчатки, соответствующих информативным участкам изображения. **Моторика глаза, таким образом, организует движения внимания в зрительном поле даже в том случае, когда это поле неподвижно относительно сетчатки**» [14].

3. Движения глаз, наблюдавшиеся в условиях стабилизации, отличаются от обычных саккадических движений своей меньшей амплитудой и, соответственно, меньшей скоростью. Поэтому связанные с ними перцептивные действия были названы *викарными*. Несмотря на указанные различия, испытуемые не замечали особой разницы между ощущениями от движений глаз в двух различных условиях восприятия, отмечая, что их глаза (или внимание) в обоих случаях движутся по объекту. Однако для исследователя различие все же существует: в одном случае мы имеем дело с направлением *анатомической* фовеа на объект, в другом — *функциональной* фовеа, которая подчиняется идеальному образу.

4. При решении испытуемым мыслительных задач викарные перцептивные действия в виде дрейфов и малоамплитудных скачков глаз являются средством визуализации проблемной ситуации и ее переструктурирования во внутреннем, идеальном плане.

5. В зависимости от конкретных запросов выполняемого действия или решения проблемной ситуации можно вычерпывать необходимую информацию, производя с идеальным образом манипуляции, аналогичные манипуляциям с физическими объектами⁴. *Манипулятивная способность* зрительной системы позволяет преодолеть избыточное число степеней свободы образа восприятия, компенсировать неизбежные искажения в нем, обусловленные морфологическими свойствами воспринимающего органа.

Могут возникнуть сомнения относительно применимости данных, полученных в условиях стабилизации, к восприятию в обычных условиях. Но все дело в том, что в феноменальном поле обычного восприятия исчезают те его свойства, которые вначале развернуты во времени и пространстве и даже доступны самонаблюдению, а потом, в процессе автоматизации перцептивного навыка, превращаются в одномоментную операцию, процессуальная часть которой остается за пределами сознания, и осознается только ее конечный результат. Отсюда — часто возникающая иллюзия неправдоподобия результатов

научного анализа, в котором содержится не только то, что доступно непосредственному восприятию, но и то, что открывается только при рассмотрении всей его прошедшей истории⁵. Так или иначе, несомненной остается важность предложенных авторами новых понятий для полного понимания психологической природы развитого восприятия как составной части взаимодействия индивида с его окружением и со своим собственным опытом. Об этом говорят все последующие работы В.П. Зинченко по восприятию. Пожалуй, ни один из психологов не рассматривал восприятие в таком глобальном культурно-историческом контексте, как это было сделано В.П. Зинченко. Все, что было сказано по поводу результатов опытов со стабилизацией, нашло свое отражение в анализе перцептивных действий художника, восприятия художественных и литературных произведений. При этом восприятие предстало перед нами не голышом, как это характерно для подавляющего большинства его исследователей, а в завораживающем облачении вечно прекрасных творений человеческой культуры. В.П. Зинченко — первый, кто наметил путь восхождения от сенсорных оснований до духовных вершин восприятия. Конечно, этот путь — лишь пунктир, а не непрерывный контур, создавать который предстоит будущим психологам...

Восприятие изучалось В.П. Зинченко не само по себе, а в составе предметного действия, которое вначале рассматривалось им в традиционном для отечественной психологии плане. Начиная с «Функциональной структуры действия» [3] и во многих последующих своих работах, В.П. развивает эту традицию, критически анализируя ее и предлагая иной путь решения обнаруженных в этом анализе проблем. Одна из них, пожалуй, ключевая, была обозначена им как взаимопревращения внешней и внутренней форм действия. Если традиционно эта проблема рассматривалась преимущественно (я бы сказал — исключительно) со стороны превращения (интериоризации) внешнего действия во внутреннее, т. е. на этапах формирования действия, то В.П. на основе данных о свойствах действия, уже сформированного на уровне высших психических функций, пришел к выводу, что и на этом уровне внешняя и внутренняя формы продолжают свой бесконечный «разговор». Бесконечный, потому что действие функционирует в разных, неисчерпаемых в своем разнообразии ситуациях, требующих его модификации для сохранения своей адекватности. Послушаем самого В.П. Зинченко:

Проблема интериоризации тесно переплетена с проблемой границы между внешним и внутренним. Это не философская граница между объективным и субъективным, а граница в традиционном психологическом и более широко — гуманитарном смысле разделения психического мира на внешний и внутренний» [9, с. 137]

⁴ В 1971 г. американскими психологами были начаты хронометрические исследования мысленного вращения изображений трехмерных фигур, имеющих разную ориентацию [18; см. также: 1].

⁵ Обоснование необходимости такого исторического анализа природы психических функций дано в работах Л.С. Выготского.

[В традиционном понимании интериоризации и экстериоризации] «Первый процесс — это «вращивание» внешней предметной деятельности в деятельность внутреннюю; второй — выход внутренней деятельности наружу, вовне. От длительного употребления терминов “интериоризация” и “экстериоризация”, стоящая за ними реальность перестала восприниматься как драма и загадка развития. Эти понятия стали схематизмом психологического сознания, а стоящие за ними процессы как бы уподобились «водопроводной логике», как в задачках 5-го класса о «бассейнах и портвейнах». Столько-то куда-то втекает и столько-то от туда вытекает...» [Там же, с. 139].

«Если с самого начала признать, что предметная деятельность в такой же степени материальная, как и идеальная; если признать, что живое движение живо не только (и не столько) своими внешними формами, но и формами внутренними..., то понятие интериоризации в теоретической психологии станет излишним» [Там же, с. 140].

Далее В.П. отмечает, что та же судьба предписана и понятию экстериоризации, традиционно понимаемому как переход от внутреннего (идеального) плана действия к внешнему (материальному). Но так же как во внешнем действии, в отличие от рефлекса, всегда присутствует внутренний план (например, в виде субъективного образа этого действия), во внутренней репрезентации действия *в снятом виде* (например, в виде неосознаваемых операций фоновых уровней регулирования) даны все необходимые и достаточные компоненты его внешней реализации. В экспериментальных исследованиях микроструктуры и микродинамики двигательных действий, выполненных при участии и под руководством В.П., убедительно показано, как происходит взаимодействие изначально существующих внешних и внутренних форм, содержание которых модифицируется в зависимости как от ситуации, в которой исполняется действие, так и от его текущих, как правило, непредусмотримых заранее параметров.

В качестве альтернативы теории интериоризации В.П. предлагал идею дифференциации, раскрывая ее следующим образом:

«Целое действие не складывается, не составляется из готовых частей. Их просто еще нет. Наоборот, оно органически развивается, дифференцируется на части, которые впоследствии отрываются от целого, автономизируются. (О. Мандельштам сказал бы: выпархивают из целого)» [Там же, с. 140].

На мой взгляд, здесь указана лишь одна сторона действия, когда оно *осваивается* индивидом, формируется. В этом случае оно действительно представлено ему как внешний образец, но в разобранном, дифференцированном виде (например, как ориентировочная основа, по П.Я. Гальперину, состоящая из перечня всех существенных признаков понятия и строгой последовательности операций, которые должны быть выполнены в отношении этих признаков) — целое дано как эмпирическая совокупность его частей, каждая из которых должна стать предметом отдельного,

ранее освоенного индивидом действия. В процессе выполнения этих парциальных действий происходит их интеграция в новый (для индивида) образ, в котором на уровне сознания сохраняется представление о конечном продукте всей последовательности действий, а сама последовательность передается в ведение фоновых, неосознаваемых уровней. Теперь интегральный (симультанный) образ вновь может быть дифференцирован в сукцессивный ряд парциальных операций (по А.Н. Леонтьеву, — бывших действий, потому что они перестали осознаваться). Интеграция, за которую отвечает внутренний план действия, и дифференциация последнего в процессе его экстериоризации во внешнем плане — это две стороны, две формы активности, от которых зависят адекватность и ситуативная адаптивность действия.

Как возникают или как формируются внешние и внутренние формы психики? Отвечая на этот вопрос в своей книге «Психологические основы педагогики», В.П. Зинченко отмечает, что традиционная постановка вопроса — о том, как формируются и развиваются отдельные психические функции или их составляющие — оказывается уже недостаточной, а иногда и несостоятельной. Живое действие по своей природе интегрально. Включаясь во взаимодействие с социальным и природным окружением, оно дифференцируется на свои функциональные компоненты, каждый из которых может приобретать различный «удельный вес» в структуре и динамике целостного действия. В свою очередь, на основе возникших дифференциаций, позволяющих той или иной функции развиваться в большей степени, чем когда она находилась в составе целого комплекса, появляется возможность модификации или создания новых интегральных структур (образов, действий, операций). Это и есть бесконечный процесс развития не только индивидуальной, но и общечеловеческой психики.

Обе формы психики обладают противоречивыми свойствами. **Внешняя форма** характеризуется своей стабильностью, стереотипностью, однозначной заданностью; она всегда должна соответствовать некоторому объективному эталону, общественно выработанному образцу; даже если она создается впервые (новый способ действия с изобретенным орудием), она потом должна воспроизводиться так, а не иначе. Другое дело — **внутренняя форма**: изначально она очень капризна, неустойчива, неоднозначна, импульсивна, алогична; она отчасти сохраняет эти свои свойства даже когда уподобляется внешней форме (см. прекрасное описание свободной динамики образов-представлений в работах П.П. Блонского); первые моменты ее «обуздания» всегда сопровождаются переживанием волевого усилия. Отсюда и вытекает главный парадокс: с одной стороны — внешне точное, стереотипное, целенаправленное и легко управляемое действие (так оно выглядит для стороннего наблюдателя), а с другой стороны — избыточное число степеней свободы внутренней динамики, напряженная работа по удержанию ее в заданном русле. Привлекая релевантный материал многих других авторов, В.П. Зинченко обосновывает необходимость и

разумную целесообразность существования такого парадокса, рассматривает его проявления в разных видах человеческой деятельности и на разных стадиях онтогенеза психики.

Остановлюсь на одном моменте, имеющем отношение к теории и практике обучения. Проблема соотношения внутренней и внешней форм родственна (но ни в коем случае не тождественна!) проблеме соотношения идеального и материального в контексте двух более ранних теорий — теории развивающего обучения Д.Б. Эльконина и В.В. Давыдова и теории формирования умственных действий П.Я. Гальперина. Во всех трех концепциях одним из ключевых слов (внешняя форма) является «образ». Но смысл его (внутренняя форма) оказывается разным.

«Разумеется, Гальперин понимал роль образа в регуляции поведения и деятельности. Более того, он определял психику как особую форму деятельности субъекта — его деятельность в плане образа... Он даже признавал построение образа того или иного явления главным результатом мышления» [11, с. 206].

Здесь, пожалуй, — самое широкое и потому еще абстрактное понимание образа. У Давыдова понятие образа сужено до чувственного представления (кстати, это наиболее распространенное понимание образа лежит в основе многих малопродуктивных дискуссий об образной и словесной формах репрезентации знаний). В.П. Зинченко предельно расширяет, но вместе с тем и конкретизирует функции образа, понимая его как исходный и конечный (т. е. находящийся в динамике построения) пункт движения от внешней формы действия к внутренней, равно как и наоборот — от внутренней формы к внешней. При этом в образе не только сохраняются все существенные моменты взаимодействия двух форм, но и аккумулируется энергия живого действия, превращаясь из кинетической в потенциальную. Более того, на примере динамики живого движения (исследования Н.Д. Гордеевой) показано, что не только образ является регулятором действия, но и действие в ходе его исполнения регулирует образ. Действие без образа становится слепым и неразумным, а образ без действия быстро исчезает и, наверное, поэтому он обладает многими неприятными для исследователя свойствами.

С идеей взаимодействия⁶ внешней и внутренней форм как неотъемлемых атрибутов материальных и идеальных действий связано еще одно положение, которое можно считать важным и перспективным шагом в направлении развития культурно-исторической теории психики. Я имею в виду преобразование структуры высших психических функций, которое они претерпевают уже после их формирования в процессе многократных реализаций:

«Действие опосредствовано многими внешними и внутренними обстоятельствами... Здесь действие выступает, так сказать, в страдательной роли, в своей зависимости от мира. Но одновременно с этим действие ведь выполняет и активную, творческую роль. Оно само опосредствует отношения человека с миром, с другими людьми, т. е. является не только опосредствованным, но и опосредствующим. Для того чтобы опосредствованное действие стало активным посредником в отношениях человека с миром, оно само должно стать как бы непосредственным, естественным и свободным, как полет Терпсихоры. Говоря философским языком, оно должно сохранять свою опосредованность в снятой или латентной форме» [9, с. 143].

(Вопрос о снятии опосредования мы обсуждали с В.П. еще до написания приведенной цитаты, в которой присутствует осторожное «как бы». Я был более категоричным, считая, что свою непосредственность высшие психические функции приобретают в форме ассоциаций).

Диалектичность взаимоотношений непосредственного и опосредствованного, о которой говорил еще философ Гегель, обсуждалась В.П. не только применительно к действию, но и в более широком контексте. В одной из последних своих книг он писал:

«Субъект подавляет свою непосредственность, а личность открывает ее в себе и открывается ей в своих поступках... Итак, субъект — опосредован, он опутан инструкциями и нормами. Личность — непосредственна, ей свойственна «участность в бытии», «поступающее мышление», свободные действия-поступки» [12, с. 545].

Превращение субъекта в личность — трудный и не сам по себе протекающий процесс:

«...достижение непосредственности⁷ возможно лишь на пути преодоления опосредования. Последнее необходимо для построения внутреннего мира индивида, который презентирован ему и с которым он может обращаться значительно более свободно, чем с предстоящим ему миром внешним. Разумеется, первый виртуален, но не менее объективен, при всей своей субъективности и пристрастности, чем второй. Кстати, он не менее дорог человеку, чем внешний мир. Работа со своим внутренним миром предполагает отстройку, — художники и искусствоведы говорят об отрешении, отстранении от внешнего мира. Наш внутренний мир, как и внешний, не дан нам как целое. Поэтому для работы с ним необходимо сформировать соответствующие функциональные органы. Индивид должен научиться прислушиваться, присматриваться к нему, преодолевать его избыточность, быть способным к избирательному восприятию, к концентрации на нем своего внимания, уметь оперировать и манипулировать им» [Там же].

⁶ Я предпочитаю говорить здесь о «взаимодействии», а не о «взаимопревращении», поскольку последний термин предполагает исчезновение одного в другом, тогда как при взаимодействии участвующие в нем стороны сохраняют свою автономность. В устных беседах В.П. Зинченко с этим соглашался, хотя в статьях чаще говорил о взаимопревращении или даже обратимости внешней и внутренней форм.

⁷ Здесь имеется в виду вторичная непосредственность, в отличие от ее первичной (натуральной) формы.

Нельзя думать, что отечественная психология не готова к тому, чтобы продолжить свое движение по спирали развития:

«В психологии многое сделано для понимания акта опосредствования как такового, т. е. для понимания трансформации непосредственного в опосредованное, или, как принято говорить, естественного в культурное. Меньше изучена трансформация опосредованного во «вторичное» непосредственное. Будучи производным от первого, непосредственное столь же естественно (по форме своего функционирования), сколь и культурно (по своему содержанию). С этой точки зрения, например, новый смысл может приобрести печально известное в психологии понятие «ассоциация»: будучи естественной, натуральной (в смысле Л.С. Выготского) функцией, она, наряду с метафорой, вполне пригодна для того, чтобы замкнуть собой начало и конец длинной цепочки опосредований в динамике формирования высших психических функций» [6, с. 16].

Наиболее полное и конкретное воплощение идеи взаимодействия внешней и внутренней форм, которая в общих чертах и с использованием традиционной терминологии обсуждалась В.П. Зинченко еще в его ранних работах, было осуществлено им вместе с Н.Д. Гордеевой⁸ на примере двигательных (исполнительных) действий.

Двигательные действия — это прижизненно приобретенные формы поведения, специфичные для человеческой деятельности. Они отличаются от врожденных форм моторики — двигательных рефлексов и инстинктов — тем, что причины их происхождения и развития находятся вне биологической организации индивида, в сфере его взаимодействия с окружающей средой, опосредованного различными видами и уровнями ее внутренней, психологической репрезентации. Этим определяется двойственность природы двигательных действий человека: их функциональные свойства (не редуцированные, а рассматриваемые в полном своем объеме) преимущественно психологичны, в то время как их реализация обеспечивается работой анатомио-физиологических механизмов, имеющих свою, непсихологическую специфику. Двигательное действие, таким образом, — одна из высших форм психофизического единства, неисчерпаемого в своих конкретных проявлениях. Нельзя говорить о психологической составляющей движения безотносительно к его анатомио-физиологическим механизмам и биомеханическим свойствам, равно как нельзя представить себе формирование, развитие и функционирование последних безотносительно к психологическому контексту, в котором происходят эти процессы.

Двигательные действия психологичны не только в том смысле, что они регулируются психическим образом. Они с самого начала являются одним из

источников, пожалуй, всех психологических новообразований. По существу, об этом говорил Ж. Пиаже, раскрывая понятие сенсомоторного интеллекта:

«Нам хотелось бы в нескольких словах объяснить, почему мы считаем, что язык согласуется со всем, что усвоено на уровне сенсомоторного интеллекта. Действительно, сенсомоторный интеллект уже содержит некоторую логику — логику действий, когда нет еще ни мышления, ни представления, ни языка. Эти действия скоординированы согласно некоторой логике, *уже содержащей множество структур, которые разовьются позднее самым ярким образом*» (Курсив мой. — А.Н.) [16].

И, как показано в работах В.П., сенсомоторный интеллект стоит не только в начале жизненного пути. Движение — это развивающийся функциональный орган, который во взаимодействии с восприятием, мышлением, памятью и аффектом инкорпорирует, по крайней мере, некоторые их черты, становясь умным и выразительным:

«На уровне искусства, мастерства естественные и искусственные органы, движение и предмет, знак, символ смыкаются в единое психофизиологическое и даже психофизическое образование» [10, с. 11].

«Движения оказываются умными не потому, что ими руководит внешний и высший по отношению к ним интеллект, а сами по себе» [Там же, с. 17].

Интеллектуальность двигательных действий состоит, во-первых, в том, что они чувствительны не только к внешней ситуации, которая, с одной стороны, задана, а с другой — непрерывно меняется как следствие выполняемых в ней движений; они чувствительны также к своей внутренней репрезентации, формирующейся как под влиянием концептуальной модели действия, так и полимодальных путей внутренних обратных связей. Во-вторых, в силу своей одновременной ориентации на конечную цель, внешнюю ситуацию и внутреннюю картину происходящего движение должно обладать свойством своеобразной рефлексии, которая в условиях быстрой динамики двигательного акта не может быть осознанной; В.П. Зинченко назвал ее фоновой (наверное, по аналогии с бернштейновскими фоновыми уровнями регуляции). В-третьих, движение, как и любое другое предметное действие, непрерывно по своей устремленности к удерживаемой в сознании конечной цели, но дискретно по характеру своей пространственно-временной (хронотопной) реализации, которая представляет собой последовательность «волн» (квантов) разной длины и амплитуды. Эти три признака интеллектуальности двигательных актов сохраняются независимо от того, какое место в структуре конкретной деятельности они занима-

⁸ Я имею в виду многолетний цикл экспериментальных исследований, в которых принимали участие сотрудники кафедры психологии труда и инженерной психологии факультета психологии МГУ М.С. Белоховская, И.В. Евсевичева, Е.Б. Сироткина, С.Б. Ребрик, А.Н. Кричевец, Л.И. Юматова [см.: 2].

ют, — либо это самостоятельные целенаправленные действия, либо это подчиненные им операции (по А.Н. Леонтьеву).

* * *

Казалось бы, что проблемы, обрисовавшиеся в ходе методологического анализа (взаимодействие внешних и внутренних форм действия) и экспериментальных исследований восприятия, памяти, визуального мышления, живого движения, связаны с сугубо академической тематикой, не выходящей за пределы предметной области психологии. На самом деле, как это показано в работах В.П. Зинченко, посвященных различным аспектам духовности, они тоже являются частью более масштабного целого, образуемого разнообразной деятельностью людей, создающих материальные и духовные ценности. Человек — атомарная единица социума, и в каждой такой единице отражается какая-то часть того особого содержания, которым наполнена жизнь общества. В психологии советского периода *взаимодействие* между индивидом и обществом было редуцировано только к одному направлению — *воздействию* общества на индивида. Обратное направление взаимодействия (Л.С. Выготский обозначил его как *индивидуализация социального опыта*) упоминалось скорее из чисто теоретических соображений и ограничивалось абстрактным принципом активности субъекта при восприятии предметного мира, усвоении учебного материала и социальной адаптации. В своих работах конца XX и начала XXI столетий В.П. Зинченко остро критиковал такой идеологизаторский подход, который в несколько модифицированном виде сохранился вплоть до наших дней. Это видно на примере различных образовательных проектов, ориентированных на «формирование нового человека», которое предполагается реализовать не только с помощью внедрения новейших научных достижений, но и путем целенаправленного манипулирования сознанием людей. В.П. соглашается с оценкой такого подхода, которую дал часто цитируемый им философ М.К. Мамардашвили:

«...мы обычно предполагаем (это очень наглядно видно в просветительстве, во всяких волюнтаристских манипуляциях с социальной материей, в идее «нового человека», которая одна из самых глупых и трагических в XX веке и примером которой может быть фраза: «писатели — инженеры человеческих душ»), что как существование самого вопроса о том, каков человек в определенном состоянии, в определенном бытии, так и ответ на этот вопрос есть привилегия кого-то другого, который лучше самого этого человека может знать, что хорошо этому человеку, а что — плохо. И поскольку и тот и другой (например, и воспитуемый, и воспитатель) приобщены, согласно классической

посылке, к одной и той же цепи бытия, которая однородна по всему пространству и допускает перенос знания, то «знающий» может перенести знание решительными действиями в жизнь другого, кроить и перестраивать ее. А если будет сопротивляться, то, как говорил Чернышевский, 70 тысяч голов не жалко для установления истины, кому-то ясной за других (с тех пор масштабы «не-жалкого» несопоставимо и чуть ли не космически возросли). Отсюда фантастическое развитие своего рода торжествующей социальной алхимии. И, конечно, алхимическое претворение «социального тела» в непосредственное царство божье на земле, естественно, должно обращаться к массовому насилию, потому что люди обычно сопротивляются этому и не дают себя «тащить в истину»⁹.

У человека нельзя отнимать свободу выбора своей индивидуальности, не только психофизиологической, но и духовной, конечно, если эта свобода не деморализована, как это характерно для современного западного мировоззрения.

Свобода и духовность взаимообусловлены. В.П. Зинченко полагал, что одной из высших светских форм духовности является искусство (в широком смысле этого слова). Призывая психологию возвратиться к изучению целостного человека по всей вертикали его развития, он показал, насколько современная психология отстала от искусства в деле репрезентации различных качеств человеческой природы. В связи с этим необходимо отметить бесценный вклад В.П. Зинченко в образование не только российских, но и зарубежных психологов. Он восстановил прерванную связь времен, убедительно показав, что как достижения, так и неудачи отечественной психологии восходят не только к феномену Л.С. Выготского и философии диалектического материализма; за ними — многовековой разрез богатейшей российской и мировой культуры. О. Манделштам стал известен нам как прирожденный, хотя и не профессиональный, психолог. Актуальная для нашего времени психологическая тематика была обнаружена в работах М. Бахтина, А. Введенского, В. Вернадского, А. Лосева, Ю. Лотмана, Г. Шпета, А. Ухтомского, и многих других, о которых мы раньше кое-что знали как о неудачных, если неудачных, философах, поэтах, литераторах или биологах.

В.П. Зинченко придерживается, с моей точки зрения, довольно радикального взгляда на отношение психологии к искусству:

«Искусство на столетия опережает науку в познании неживого и особенно живого. Но главное даже не в этом. Искусство порождает иное знание. Наука расчленяет, анатомирует, дробит мир на мелкие осколки, которые не склеиваются, не komponуются в целостную картину. Особенно она преуспела в своей дезинтегративной деятельности, изучая человека. Искусство же сохраняет мир целостным. Оно постоянно напоминает науке о существовании целостного, неосколочного мира» [11, с. 38].

⁹ Цит. по: 7, с. 39—40.

В.П. Зинченко сравнивает психологию (как науку) с искусством не только по уровню их достижений в деле познания человека, но и по стилю такого познания:

«Поэты, вырывая события из контекста, подчиняются Музе, ученые — Логике. Когда Муза изменяет поэтам, получаются плохие стихи. Когда Логика изменяет ученым, возможны открытия. Наука ведь по своей природе абсурдна. Она имеет право на любую гипотезу. Ей нужны «иррациональные числа», «чистые культуры», «сверхнизкие температуры», «сверхпроводимость», «башни молчания», «абсолютная сенсорная изоляция», «tabula rasa», «слепоглухие обязательно от рождения». Словом, ей нужно все то, что в реальной жизни не встречается или недоказуемо. Уверен, что науке не меньше нужна идеальная правда духа, за которой она не так часто обращается к мифологии, к искусству, в том числе к поэзии...» [7, с. 8].

Я бы сказал, что такое *иногда* бывает. Но наука и искусство неоднородны не только по содержанию, но и во времени. Дифференциация и интеграция свойственны и науке, и искусству, в разное время в разной степени, и все это происходит далеко не синхронно. Не все направления в современном искусстве (независимо от его жанров) демонстрируют целостность мира; скорее наоборот, в нем больше мертвых осколков, фрагментов чувственной ткани и вообще того, что можно переживать только в условиях длительной сенсорной изоляции или в изолированных пси-

хофизических экспериментах. А если в искусстве игнорируется логика, то оно теряет всякий смысл. Поэтическая антропология может служить для психологии хорошим стимулом и, возможно, примером для подражания. Поэтическая антропология — это продолжение психологии, расширение наших знаний о человеке, находящемся в той реальности, которая превосходит по своим масштабам и содержанию то, что доступно психологу.

* * *

Читая произведения В.П. Зинченко, возникает чувство, которое можно сравнить с переживанием выхода из устья маленькой речушки с заросшими берегами в безбрежный океан. Каждая проблема из узковедомственной превращается в органический элемент многовековой человеческой культуры, да и она сама вырисовывается перед вами не как литература или наука, а как нечто единое и неразделимое, влекущее к себе и обещающее бесконечную и ненасыщаемую радость творчества. Он подарил науке и всем плоды своих трудов, и это навсегда останется в ней и в нас. Поэтому его дары и его душа будут открыты для всех грядущих поколений. Сила его творчества — не только в неординарном содержании, но и во вложенном в него вдохновении, которое легко передастся тому, кто, желая постичь тайны душевной жизни, обратится к его трудам.

Литература

1. Беспалов Б.И. Действие (психологические механизмы визуального мышления). М.: МГУ, 1984. 192 с.
2. Гордеева Н.Д. Экспериментальная психология исполнительного действия. М.: Тривола, 1995. 324 с.
3. Гордеева Н.Д., Зинченко В.П. Функциональная структура действия М.: МГУ, 1982. 208 с.
4. Запорожец А.В., Венгер Л.А., Зинченко В.П., Рузская А.Г. Восприятие и действие. — М.: Просвещение, 1967. 370 с.
5. Зинченко В.П. Живая память в исследованиях П.И. Зинченко (ретроспект и проспект) // Культурно-историческая психология. 2009. № 3.
6. Зинченко В.П. Нужно ли преодолевать постулат непосредственности? // Вопросы психологии. 2009. № 2. С. 16.
7. Зинченко В.П. Возможна ли поэтическая антропология? М.: Российский открытый университет, 1994. 44 с.
8. Зинченко В.П. Некоторые особенности движений руки и глаза и их роль в формировании двигательных навыков // Вопросы психологии. 1956. № 6.
9. Зинченко В.П. Посох Мандельштама и трубка Мамардашвили. К началам органической психологии — М.: Новая школа, 1997. 335 с.
10. Зинченко В.П. Предисловие / Н.Д. Гордеева Экспериментальная психология исполнительного действия. М.: Тривола, 1995. 324 с.
11. Зинченко В.П. Психологические основы педагогики: учеб. пособие. М.: Гардарики, 2002. 432 с.
12. Зинченко В.П. Сознание и творческий акт. М.: Языки славянских культур, 2010. 592 с.
13. Зинченко В.П. Теоретические проблемы психологии восприятия / Инженерная психология. М.: МГУ, 1964.
14. Зинченко В.П., Вергилес Н.Ю. Формирование зрительного образа — М.: МГУ, 1969. 105 с.
15. Культурно-историческая психология. 2014. Т. 10. № 2; 2015. Т. 11. № 1.
16. Семиотика / Сост., вступ. статья и общая редакция Ю.С. Степанова. М.: Радуга, 1983. 638 с.
17. Стиль мышления: проблема исторического единства научного знания / Под ред. Т.Г.Щедриной. М.: РОС-СПЭН, 2011. 640 с.
18. Shepard R.N. & Metzler J. Mental rotation of three-dimensional objects // Science. 1971. Vol. 171. P. 701–703.

V.P. Zinchenko: On the Crossroads to the Future of Psychology

A.I. Nazarov*,

“Dubna” University, Dubna, Russia,
annaz1939@gmail.com

This paper provides an insight into the major milestones and topics in the life and work of Vladimir P. Zinchenko. It focuses on his research of perception and movement as well as on some of his original methodological ideas about the history and future of several fundamental concepts in cultural-historical psychology, such as action, activity, interiorization, higher mental functions development. Also, the paper outlines Zinchenko's thoughts on the inner and outer forms of action and on differentiation of action as an alternative to the principle of interiorization. It stresses the importance and potential of the reviewed issues for the future development of psychological knowledge.

Keywords: cultural-historical psychology, perception, motor actions, inner and outer forms, interiorization, differentiation of action.

References

1. Bepalov B.I. Deistvie (psikhologicheskie mekhanizmy vizual'nogo myshleniya) [Action]. Moscow: MGU, 1984. 192 p.
2. Gordeeva N.D. Eksperimental'naya psikhologiya ispolnitel'nogo deistviya [Experimental psychology of action]. MOSCOW: Trivola, 1995. 324 p.
3. Gordeeva N.D., Zinchenko V.P. Funktsional'naya struktura deistviya [Functional structure of action]. Moscow: MGU, 1982. 208 p.
4. Zaporozhets A.V., Venger L.A., Zinchenko V.P., Ruzskaya A.G. Vospriyatie i deistvie [Perception and action]. Moscow: Prosveshchenie, 1967. 370 p.
5. Zinchenko V.P. Zhivaya pamyat' v issledovaniyakh P.I. Zinchenko (retrospekt i prospekt) [Memory in P.I. Zinchenko research]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya* [Cultural-historical psychology], 2009, no. 3, pp.
6. Zinchenko V.P. Nuzhno li preodolevat' postulat neposredstvennosti? [If we need to to overcome the postulate of immediacy]. *Voprosy psikhologii* [Issues of psychology], 2009, no. 2, pp. 16.
7. Zinchenko V.P. Vozmozhna li poeticheskaya antropologiya? [is it possible poetic anthropology]. Moscow: Rossiiskii otkrytyi universitet, 1994. 44 p.
8. Zinchenko V.P. Nekotorye osobennosti dvizhenii ruki i glaza i ikh rol' v formirovanii dvigatel'nykh navykov [Some features of the movements of hands and eyes, Their role in formation of action]. *Voprosy psikhologii* [Questions of psychology], 1956, no. 6.
9. Zinchenko V.P. Posokh Mandel'shtama i trubka Mamardashvili. K nachalam organicheskoi psikhologii [the rod of Mandelstamm and tube of Mamardashvili]. Moscow: Novaya shkola, 1997. 335 p.
10. Zinchenko V.P. Predislovie [Introduction]. In Gordeeva N.D. *Eksperimental'naya psikhologiya ispolnitel'nogo deistviya* [Experimental psychology of action]. Moscow: Trivola, 1995. 324 p.
11. Zinchenko V.P. Psikhologicheskie osnovy pedagogiki: ucheb. Posobie [Psychological basis of pedagogics]. Moscow: Gardariki, 2002. 432 p.
12. Zinchenko V.P. Soznanie i tvorcheskii akt [Consciousness and art]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2010. 592 p.
13. Zinchenko V.P. Teoreticheskie problemy psikhologii vospriyatiya. Inzhenernaya psikhologiya [Theoretical problems of psychology of perception]. Moscow: MGU, 1964.
14. Zinchenko V.P., Vergiles N.Yu. Formirovanie zritel'nogo obraza [Formation of visual image]. Moscow: MGU, 1969. 105 p.
15. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya* [Cultural-psychological psychology], 2014. Vol. 10, no. 2; 2015. T. 11. № 1.
16. Stepanova Yu.S. (ed.) *Semiotika* [Semiotics]. Moscow: Raduga, 1983. 638 p.
17. Shchedrina T.G. (ed.) *Stil' myshleniya: problema istoricheskogo edinstva nauchnogo znaniya* [Style of thinking]. Moscow: ROSSPEN, 2011. 640 p.
18. Shepard R.N., Metzler J. Mental rotation of three-dimensional objects. *J.*, 1971. Vol. 171, pp. 701–703.

For citation:

Nazarov A.I. V.P. Zinchenko: On the Crossroads to the Future of Psychology. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-historical psychology*, 2016. Vol. 12, no. 4, pp. 80–89. (In Russ., abstr. in Engl.). doi: 10.17759/chp.2016120408

* *Nazarov Anatoly Yosifovich*, PhD in Psychology, associate professor, “Dubna” University, Dubna, Russia. E-mail: annaz1939@gmail.com